

Андрей говорил медленно, словно стараясь подстроиться под мой мозг, который, казалось, заржавел и еле функционировал:

— Внешность, ум, способности — в тебе нет ничего, чем можно было бы похвастаться. Только и умеешь, что хитрить по мелочам, а на что-то серьезное не способен. Даже если ты настолько глуп, что позоришь всю семью, ты все равно мой настоящий брат, вышедший из той же утробы, что и я. Это всегда меня мучило. Почему ты такой никчемный? Позже мама сказала мне, что ты и сам не хочешь быть таким ненавистным, но тебе просто не дано быть другим.

— Преступники, совершающие сексуальные насилия, хоть и творят ужасные вещи, на самом деле слабы. Слабые всегда довольствуются малым, ищут любую возможность, даже создают ее, чтобы оставить потомство, иначе как же сохранить род? Конечно, это не твоя вина, брат. Всё из-за той грязной половины генов в тебе. Ты тоже жертва, жалкая жертва, которая превратила свою жизнь в полный хаос...

— Ты всегда так обо мне думал?

Мой голос непроизвольно дрожал, стыд и ярость волнами накатывали на меня, заставляя говорить громче.

— Андрей, ты сегодня с ума сошел? Ты специально хочешь поссориться? Прежде чем говорить, ты хоть думаешь? Сейчас же заткнись!

Он сжал губы, и остатки улыбки на его лице казались особенно раздражающими.

— Брат, боишься слушать правду?

Его слова вызвали у меня адскую головную боль, тело горело, сердце билось так быстро, что в груди появилась боль. Я с ненавистью произнес:

— Ты... Андрей, у тебя вообще есть совесть? Разве то, что мы переспали, было не по обоюдному желанию? Если тебе это не нравилось, зачем ты играл эту роль? Я же говорил тебе, чтобы ты не жалел! Да, я, Сью Цзюньянь, может, и неудачник, но это мой выбор. Кто ты такой, чтобы указывать мне?

Я глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться, но ярость продолжала пылать внутри, лишая меня разума. Увидев растерянное выражение на лице Андрея, я лишь разозлился еще сильнее. Резко указав на дверь, я крикнул:

— К чёрту твоего «хорошего братика» и «плохого братика»! Если бы не твое лицо, ты думаешь, у тебя есть что-то, чем можно похвастаться? Мне не нужен такой предмет для согрева постели — сейчас же проваливай, подальше, чтобы я не испачкал твои глаза!

К концу крика мои глаза уже были полны слез. Я знал, что выгляжу ужасно, но меня это уже не волновало. Последние слова я произнес тихо, словно каждое слово было пропитано кровью:

— Я сын насильника, ты доволен теперь?

Он, казалось, был ошеломлен моим гневом, открыл рот, но ничего не сказал. Я не знаю, откуда у меня взялись силы, но я резко оттолкнул его и босиком направился к двери. Андрей вдруг бросился ко мне, крепко обняв за талию, и сразу же сменил тон, жалобно сказав:

— Брат, я пошутил, я не всерьез так думал, просто хотел тебя разозлить...

Я помню, как тогда Андрей стоял с чемоданом один в аэропорту, высокомерно и холодно глядя в окно.

Он был как айсберг, сверкающий в лучах солнца, но никто не решался подойти.

Я получил звонок от матери, когда был на работе, с просьбой встретить брата, которого я не видел больше десяти лет. Я не знал, где он находится, но на звонки он не отвечал. Обеспокоенный, что он может потеряться и испугаться, я, выйдя из машины, побежал, запыхавшись, и нашел его уже изрядно уставшим. Я собирался позвать его, но он, словно почувствовав мое присутствие, обернулся.

Чистое голубое небо и белые облака позади него напоминали тот самый сапфир, который когда-то заморозил меня.

Андрей неуверенно заговорил, а затем улыбнулся той самой знакомой прекрасной улыбкой. Его голос был тихим, словно охотник, боящийся спугнуть добычу, что заставило меня проигнорировать скрытую в нем злобу и прямо попасть в бездонную ловушку:

— Брат.

Я тут же забыл все, что хотел сказать, и сделал два шага к нему, снова без колебаний протянув руку.

— ...Отлично играешь. Тебе бы в киношколу поступить, таланту пропадать. — Я скрипя зубами холодно посмотрел на него. Обычно я не сопротивлялся, потому что не хотел доводить до скандала, иногда проще было согласиться, чтобы избежать конфликтов. Но если бы дело дошло до драки, я, как взрослый мужчина, мог бы дать ему отпор. — Тебе не надоело играть? Теперь можешь остановиться, мне больше не нужен этот «хороший брат». Еще раз говорю, отпусти. Если ты не уйдешь, уйду я, или ты хочешь, чтобы я вызвал полицию?

Андрей прижался лицом к моей спине, мы замерли на несколько секунд, и он медленно, с неохотой отпустил меня.

В итоге я так и не стал хорошим братом.

Потому что я эгоист, эгоист, который предпочитает одиночество, лишь бы не страдать.

Я вошел в свою комнату, закрыл дверь и, обессиленный, прислонился к стене. Мой мозг был в тумане, во рту был привкус крови, сердце билось так быстро, что мне самому стало страшно, ноги дрожали и еле держали меня. Но все это было мелочью по сравнению с тем чувством в груди, которое я знал слишком хорошо.

Словно кто-то пронзил меня насквозь, оставив зияющую рану, которая кричала от боли.

Я стал похож на сдувшийся шарик, рыдая и борясь с отчаянием, чувствуя, как жизнь утекает из моего тела. Я давно не испытывал такого, почему это снова случилось? Ведь мне же стало лучше... Почему это происходит?

Мне казалось, что меня бросили в озеро, сознание затуманилось, я задыхался, перед глазами была лишь бесконечная тьма, и в ушах не было ни звука. Я невнятно произнес несколько слов, думая, что кричу о помощи, но на самом деле мой голос был едва слышен.

Неужели я умру здесь? Дверь закрыта на электронный замок, Андрей, возможно, уже ушел, и

никто меня не найдет. Я умру в своей комнате, на холодном полу, мое тело высохнет, и я буду выглядеть ужасно. Эта мысль пробудила глубокий страх, тот самый страх, который я испытывал, когда один лежал в больничной койке, чувствуя себя брошенным всем миром.

Я знал, что свет дарит мне чувство безопасности, но у меня даже не было сил включить его, и я рухнул на пол, только дрожащими руками нащупывая что-то у кровати.

Где сигареты? Мне нужны сигареты, алкоголь, транквилизаторы, снотворное — что угодно, что может быстро одурманить меня, что угодно, что может заполнить эту зияющую пустоту.

Что-то упало на пол, и я в панике схватил это, прижав к лицу.

Четырехугольный предмет был теплым и твердым, словно сохранял чье-то тепло. Я с опозданием понял, что это печать, которую мне подарил Сун Чэн. Слезы хлынули из моих глаз, падая на щеки.

— Сун Чэн, Сун Чэн, Сун Чэн... — Я отчаянно звал его имя, словно это могло вернуть того теплого человека ко мне. — Спаси меня, мне так плохо, так плохо...

Эта маленькая печать действительно подарила мне немного утешения. Я немного пришел в себя, с трудом встал, включил свет, нашел телефон на прикроватной тумбочке, открыл контакты и дрожащими руками набрал номер. Телефон был поднят почти сразу, я сжал свою руку, чтобы успокоиться, и, сдерживая рыдания, сказал:

— Это Сюй Цзюньян. Мне кажется, я не в порядке... У вас найдется время?

После звонка я немного пришел в себя, надел свитер и брюки, открыл дверь и столкнулся с Андреем, который стоял у моей двери, подняв руку, чтобы постучать. Я не ожидал, что он еще здесь, глубоко вздохнул, прикрыл лицо, скрывая следы слез, и, сдерживая эмоции, спросил:

— Что тебе нужно?

Он опустил свои красивые глаза, теперь он выглядел растерянным и покорным.

— Брат, я волнуюсь за тебя...

— Это забавно? — Я хотел усмехнуться, но не хотел, чтобы он видел, как я только что плакал, и, отвернувшись, почувствовал лишь усталость. — Отойди. Не заставляй меня применять силу.

— Я не всерьез, я просто...

Андрей, увидев мое выражение лица, сжал губы и ничего не сказал. Я прошел мимо него в гостиную, надел куртку и наклонился, чтобы обуться. Он был в свободной тонкой пижаме, открывающей его белую шею и красивое лицо, выглядел упрямым и жалким:

— Брат, уже поздно, куда ты идешь?

— Не называй меня братом, я этого не достоин.